

Признание в социологии неравенства: обзор теоретических подходов¹

Мария Кучерявая

MA in Sociology, стажер-исследователь Центра социологии культуры
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: Мясницкая, 20, Москва, 101000, Российская Федерация
E-mail: mkucheryavaya@hse.ru, mkucheryavaya96@gmail.com

Неравенство остается одной из наиболее фундаментальных проблем современного мира. Как правило, оно рассматривается через призму его экономических причин и последствий. Однако подобная логика исключает из объяснительной модели важное звено: помимо экономических неравенство порождает культурные препятствия. Неравенство создает разрывы между людьми, а также непроницаемые границы между различными социальными группами. Неравенство, формируемое культурными различиями, крайне сложно устранить, оно принимает ригидные и устойчивые формы. Подобные культурные процессы неравенства, связанные с категоризацией групп людей и наделяния их ценностью, мы будем называть признанием. Изучение признания как культурного механизма неравенства в последние годы представляется значимым в современной социологии неравенства, а признание — критически важным элементом, необходимым для комплексного понимания процессов неравенства. Цель данного обзора — описать, как обозначенное нами культурное измерение неравенства, которое мы далее будем называть признанием, тематизируется в социологических исследованиях. Мы хотим показать, что вопросы уважения и достоинства всегда составляли основу разговора о неравенстве. Несмотря на обильное количество исследований, концепт признания остается проблематичным: он является излишне эклектичным и слабо фундированным в социологической теории.

Ключевые слова: признание, неравенство, культура, социология культуры, справедливость, мораль, эмоции

Неравенство остается одной из наиболее фундаментальных проблем современного мира. В социальных и политических науках не умолкают дебаты, призванные найти решение проблеме, при которой люди обладают неравными жизненными шансами и возможностями. Как правило, неравенство рассматривается через призму его экономических причин и последствий. Предполагается, что за счет грамотного перенаправления ресурсов станет возможным устранить дистанцию между богатыми и бедными, что, в свою очередь, приведет к ликвидации любых стратификационных схем. Однако подобная логика исключает из объяснительной модели важное звено: помимо экономических неравенство порождает препятствия культурные. Неравенство создает разрывы между людьми, а также непроницаемые границы между различными социальными группами, что проявляется в таких эффектах, как отсутствие эмпатии, враждебность по отношению к определенным группам, утеря солидарности (Куракин, 2020). В социологии

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00533)

такие явления хорошо известны под лейблом стигматизации и дискриминации. Они показывают, как неравенство выражается не столько в отсутствии равного распределения благ, сколько в отношении людей друг к другу, что может становиться гораздо более критичным фактором при воспроизводстве или устранении неравенства. Если экономические проблемы потенциально представляются решаемыми, то заставить одних людей больше уважать других едва ли возможно.

Подобная логика обсуждения неравенства связана с давними дебатами вокруг идеи справедливости. Что первично для обеспечения справедливости — равномерное распределение ресурсов или равноценное признание каждого индивида? Это различие базируется на проблематике разделения материального и культурного — дихотомии, породившей множество споров и теорий в социальных науках (Young, 1997). В теориях неравенства широко обсуждаемым решением этой проблемы является обращение к распределению (*redistribution*), то есть материальной сфере. Однако ряд исследователей указывают, что распределение невозможно без признания (*recognition*), а разделение этих двух областей и вовсе ошибочно (Dahl, 2004; Heidegren, 2004; Savage, 2019; Swanson, 2005). Оформившийся позднее «поворот к признанию» (*recognition turn*) поставил под вопрос легитимность распределения как единственного способа достижения равенства, обозначив необходимость обращения к культурной составляющей неравенства. Критичным этот аргумент делает комментарий социолога культуры и неравенства Мишель Ламон, которая считает, что обладание достоинством и уважением имеет столь же сильное влияние на субъективное благополучие человека, как и его доход (Lamont, 2017: 21). Соответственно, для получения полной картины того, как работает процесс неравенства, исследователям необходимо обратиться к тому, как люди распознают и оценивают других людей как (не)достойных. Признание как культурное измерение неравенства представляется критически важным для понимания, почему экономические меры не приводят к устранению или смягчению неравенства.

Подобные культурные процессы неравенства, связанные с категоризацией групп людей и наделением их ценностью, можно называть по-разному. Близкие по смыслу процессы изучались под именем статуса, уважения, престижа. Признание (*recognition*) как рабочий концепт выбран нами в силу точности его фокуса. В отличие от остальных терминов, признание позволяет схватить две процедуры, которые представляются ключевыми. Первое — признание предполагает распознавание чего-то или кого-то в качестве самостоятельного элемента. Второе — в признание включен элемент оценивания, то есть наделения этого элемента определенной ценностью, придающей ему значимость. Это сочетание распознавания и оценивания позволяет рассматривать культурное измерение неравенства не просто как вопрос монополизации капитала и реализации власти, но как конструирование отличий, пролегающих на микроуровне (Lamont, 2017: 43). Различия, связанные с присутствием или недостатком признания, имеют более глубокую природу, чем потребление и воспроизводство культурных стилей, как описывает в своих уже ставших классическими исследованиях Пьер Бурдьё. Глубина

данной проблемы заключается в ее укорененности в повседневности: людей разделяет не просто то или иное культурное потребление, но непреодолимые различия в способе организации и ведении жизни, ощущении мира, взаимодействии с другими (Куракин, 2020). Рутинность обсуждаемых нами культурных процессов неравенства является их самой большой опасностью, поскольку работа по оцениванию и сортировке одними группами людей других групп происходит ежедневно и лежит в основе функционирования социальных институтов (Lamont, 2017: 44–45). Критерии же, на основании которых проводится категоризация, гораздо более ригидные, чем разница в доходе, и могут продолжать свое существование в независимости от предпринимаемой социальной политики и иных превентивных мер.

Приблизиться к достижению взаимного уважения возможно только при понимании и учете культурной чувствительности, которую содержит в себе проблема неравенства. Эта чувствительность неизбежно приводит нас к исследованию признания. Вслед за Мишель Ламон, мы хотим подойти к рассмотрению признания как отличного от распределения, но комплементарного измерения неравенства. Всплеск работ последних лет, посвященных культурному измерению неравенства, показывает, что признание становится видимым как важная часть этих проблем. Однако в рамках социологии неравенства признание все еще представляется не до конца проработанным концептом, экзистенциальная сила которого игнорируется или не раскрывается в полной мере. Цель данного обзора — показать, как обозначенное нами выше культурное измерение неравенства, которое мы далее будем называть признанием, тематизируется в социологических исследованиях неравенства и культуры, поскольку вопросы уважения и достоинства всегда составляли основу разговора о неравенстве, вероятно, даже более важную, чем его экономический базис.

Теоретические истоки признания: Гегель, Вебер, Бурдьё

Термин «признание» происходит из философии. В числе важных первоисточников исследователи указывают теории Адама Смита (Heidegren, 2004), Жан-Жака Руссо (Куракин, 2020; Sennet, 2003), однако наиболее теоретически значимыми остаются работы Гегеля. Идея признания становится центральной в развитии гегельянской диалектики господина и раба. Признание у Гегеля обозначает взаимное распознавание и узнавание друг в друге самостоятельных субъектов. Субъект (или самосознание) существует постольку, поскольку он признается другим: «оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т. е. оно есть только как нечто признанное» (Гегель, 1999: 99). Борьба за признание тем самым принимает вид борьбы индивидов за то, чтобы их субъектность была признана другим (Тимофеева, 2016; Semboи, 2003: 262). Именно на переосмыслении диалектики Гегеля строится ряд значимых современных работ, входящих в своего рода мейнстрим современной социальной теории признания.

Интуицию о признании как неэкономическом фундаменте неравенства наиболее явно развил Макс Вебер в своей теории социальной стратификации. Престиж

или почеть составляет одно из оснований для конструирования иерархий в обществе, наравне с собственностью и властью. За то, что позднее стало называться культурным измерением неравенства, в теории Вебера отвечает престиж, обуславливающий статусные различия. В основе различий, создаваемых статусом, лежит некоторое коллективно разделяемое количество социально приписываемого престижа (Радаев, Шкаратан, 1996: 73). Статус, понимаемый как публичное признание социальной ценности человека, порождает собственные эффекты, закрепляющие устойчивые формы неравенства, основывающиеся на различиях в уважении и почтении (Ridgeway, 2014). Важной особенностью статуса является его функционирование на уровне повседневности: статусные различия связаны с различиями в стиле жизни, поведении, привычках, жизненных принципах (Вебер, 1994). Статусные различия усиливают имеющиеся категориальные различия, подпитывают их социальное восприятие, закрепляя позитивные оценочные категории (уважаемый, компетентный и т. д.) за теми, кто владеет большим количеством ресурсов и власти (Ridgeway, 2014). Термин «статус» в понимании Вебера обладает более широким смыслом, чем заявленный нами термин признания, и включает в себя не только аспект социальной оценки, но и определенную позицию в структуре общества, занимаемую благодаря доле имеющегося престижа. Однако Вебер делает видимым важный аспект престижа, заключающийся в его отношении с экономическими факторами неравенства. Статус как измерение неравенства находится в оппозиции ко всему, что связано с собственностью. Статусное различие может предшествовать экономическим различиям, а экономическое распределение подкрепляет статусные различия, но не создает их (Радаев, Шкаратан, 1996: 74). Следовательно, особенность статусного неравенства заключается в том, что оно порождает крайне долговременные и ригидные формы неравенства, поскольку закрепляет категориальные различия между людьми, контролирующими ресурсы и власть.

Новый виток развития признание получило в работах Пьера Бурдьё. Ученый не разрабатывал специально признание как концепт, но оно стало явным в рамках его теории культуры и неравенства как значимый элемент неравенства, воспроизводства статуса и классовой легитимации. Признание и непризнание (*misrecognition*) являются ключевыми концептами в его социологии доминирования. Признание у Бурдьё работает как один из механизмов осуществления символической власти, оно тесно связано с легитимацией социального порядка. Сила доминирования реализуется при помощи владения двумя типами капитала — экономическим и культурным (Lovell, 2007: 71). На уровне объективной структуры признание выражается в различных статусных формах, подтверждающих обладание символическим капиталом: так, статус дворянина или диплом элитного университета оказывается универсальным маркером признания (Бурдьё, 1998: 200). Обладатели подобного символического капитала — признанные — в силу имеющейся привилегии навязывают свои правила игры при выработке классификаций и правил того, кто или что является ценным. Именно в этом выражается власт-

ный аспект признания — его правила задаются теми, кто уже получил признание. Как пишет Бурдьё, быть признанным означает обладать силой, чтобы признавать других (Bourdieu, 2000: 242). Бурдьё придает большее значение не столько признанию, сколько непризнанию (Wacquant, 2005: 20). В этом инструменте заключается подлинная символическая сила доминирующих классов — они не просто отказывают подчиненным классам в признании, но предоставляют им только низшее положение, формируя таким образом собственную исключительность. Важную роль в том, как происходит дистрибуция признания от одного человека и класса к другому, играет идея габитуса. Габитус лежит в основе форм восприятия и оценивания, он работает одновременно как когнитивный и экспрессивный механизм для оценивания, и как продукт оценивания (Бурдьё, 1998; Meisenhelder, 2006). Центральное место в производстве личности занимает ее восприятие другими, где восприятие трактуется как процесс признания (Mead, 2021: 26).

Джоффри Мид утверждает, что именно признание лежит в основе всей концепции Бурдьё, поскольку оно позволяет связать воедино три важные для Бурдьё темы: габитус, символический капитал и власть. Личность, в результате этой символической борьбы за признание, оказывается ее реляционным продуктом, а составляющие ее свойства являются таковыми лишь постольку, поскольку таковыми признаются (Mead, 2021: 36). При изменении властных диспозиций меняется и личность, и процедура признания.

Признание как условие достижения справедливости: критическая социальная теория

Теоретическое наследие Бурдьё послужило вдохновением для ряда работ, занимающихся проблемами признания и культурного измерения неравенства в целом. Основой для подобного обсуждения неравенства служат введенные Вебером три автономных измерения стратификации, впоследствии развитые Бурдьё в его различении экономического и статусного уровней неравенства. Эта дуальная система стала предпосылкой для всех последующих исследований культурного измерения неравенства в противовес экономическому.

Следующий виток теоретизирования признания связан с критической социальной теорией. В рамках этого направления признание осмысливается преимущественно в плоскости политической философии и дебатов о справедливости. Чарльз Тейлор рассматривает признание в контексте политики мультикультурализма, связывая его с идеей идентичности. Ее суть в том, что идентичность частично сформирована наличием или отсутствием признания (Taylor, 1992: 25). Вслед за Бурдьё, Тейлор подмечает критическую роль непризнания в процессе социального взаимодействия: отсутствие признания или неправильное признание (misrecognition) может принимать форму принуждения, поскольку признает «неверную» идентичность субъекта. Соответственно, Тейлор прорабатывает прочную связь между (не)признанием и идентичностью: быть признанным особым обра-

зом приводит к обладанию определенной идентичностью (Hirvonen, 2012: 111). Однако попытки Тейлора развивать теорию коллективного признания столкнулись с критикой и обвинениями в излишней реификации и гомогенизации культурных групп (Benhabib, 2002: 58; Young, 2000: 87).

Ошибки Тейлора были учтены Акселем Хоннетом, указавшим, что признание может быть осуществлено только на индивидуальном уровне. Будучи учеником Юргена Хабермаса, Хоннет встраивает признание в свою концепцию коммуникативного действия, придерживаясь критического направления Франкфуртской школы. В отличие от Хабермаса, Хоннет в центр коммуникативного акта ставит притязания на взаимное признание как нормативное ожидание авторов коммуникации (Теркин, 2009: 63). При такой концептуализации задачей коммуникации становится обеспечение успешной самореализации агентов этой коммуникации. Признание у Хоннета служит ключом к пониманию процесса социального конфликта. Здесь явно прослеживается влияние Бурдье и его идеи символического насилия, осуществляемого доминирующим классом по отношению к подчиненным. Хотя сам термин «борьба за признание» Хоннет заимствует у Гегеля, в этом концепте также кроется идея того, что конфликты в обществе обусловлены недостатком признания, в результате чего индивиды вынуждены постоянно его добиваться. Помимо непризнания Хоннет выделяет еще одну важную форму, ведущую к конфликтам и поддержанию неравенства, — отсутствие признания, выражаемое через невидимость (Хоннет, 2009). Под невидимостью Хоннет имеет в виду различные ситуации умышленного незамечания или игнорирования индивидов. Эти акты невнимания имеют социальную природу: люди более высокого социального положения не «видят» людей более низкого положения (или людей из различных стигматизированных групп). (Не)видимость структурирована двумя полюсами — восприятием и властью (Brighenti, 2007: 324). Так, например, Нечла Ачик и Хилари Пилкинтон описывают, как процессы подобного ошибочного признания (*misrecognition*) группы молодых мусульман приводят к тому, что происходит постоянная актуализация терроризма как угрозы, исходящей преимущественно от мусульман. Особенность ошибочного признания в том, что оно регулярно и устойчиво, происходит в конкретное время и в особых местах (Pilkington, Acik, 2020: 188). Однако важнее то, что ошибочное признание имеет институционализированный характер как на уровне культурных ценностей, так и социально-экономического неравенства. Тем самым непризнание, выражаемое через нежелание видеть отличия культурной группы, приводит к закреплению культурного неприятия, ведущего к эмоциональному отстранению от группы и даже неприязни к ней. Одна из парадоксальных форм признания, связанная с идеей невидимости, заключается в желании быть невидимым — стать «как все», не выделяться в качестве типичного представителя группы, на которого может быть направлен акт ошибочного признания (Oeur, 2016). В своих разработках признания Хоннет остается крайне чувствителен к тому, как признание создает не просто неравное социальное положение, но как оно конструирует чувство неравной ценности

и самодостаточности. Идея невидимости позволяет Хоннету показать культурный потенциал признания, задаваться вопросом о том, что же первично — узнавание или распознавание? В своем ответе Хоннет, безусловно, склоняется к последнему: в признании крайне важен процесс наделения объекта ценностью, с элементами не просто идентификации, но одобрения. Соответственно, под признанием Хоннет понимает «публичное подтверждение позитивной социальной ценности (или позитивных качеств) субъекта или группы» (Honneth, 2014: 329). В подобном определении явно прослеживается бурдьевистская логика работы с признанием как механизмом легитимации. Однако для Хоннета признание носит фундаментальный характер — оно является основой коммуникации между людьми. Если же акты непризнания происходят систематически, то это не только нарушает течение повседневной жизни, но и поднимает вопросы о справедливости (Теркин, 2009: 64). Отсутствие признания ставит под угрозу возможность самореализации агентов признания.

Признание как механизм пересечения границ: дискриминация, стигматизация, исключение

Хоннет заостряет вопрос признания как ключевого в теме неравенства. Его стремление показать критическую роль признания в сравнении с распределением послужило толчком для становления новой программы социологии неравенства, вдохновленной изучением культурного измерения неравенства в противовес его структурному измерению. Скрестив разработки Хоннета и Бурдьё, Мишель Ламон вывела разговор о признании, культуре и неравенстве на новый уровень, сформировав целое крыло последователей. Свое исследование признания как социального процесса Ламон начала в работе «The Dignity of Working Men», где в качестве центральной категории анализа использует понятие «достоинство» (Lamont, 2000). Следуя бурдьевистской логике, Ламон ставит в центр выстраивание границ (boundary work). Категория достоинства играет ключевую роль в том, как представители нижнего среднего класса оценивают себя и других, как они конструируют сходства и различия между собой и другими группами, при помощи каких категорий интерпретируют эти различия. Ламон обнаружила важную черту, присущую тому, как конструируется разница между классами и группами людей: значимая часть различий связана с тем, как прокладываются моральные границы. В основу различий между исследуемыми Ламон группами ложится не разница в социальном положении или бэкграунде, но разница в социальной оценке, строящейся на конвенционально разделяемых моральных ориентирах. Это и последующие исследования Ламон привели к тому, что дальнейшее изучение признания стало плотно связано с темой границ: как они выстраиваются, где проходят и насколько прозрачны. Признание здесь есть механизм, благодаря которому появляется возможность пересекать эти границы и становиться причастным к той или иной группе. Наследующая Бурдьё логика изучения признания в терминах симво-

лических и социальных границ получила, однако, важное отличие. Для Бурдые ключевым в изучении границ был фокус на культурном капитале и социальных позициях, которые они порождают (Lamont, Molnár, 2002: 173). Ламон и другие исследователи предлагают ставить акцент на проницаемости и разнообразии видов границ, исследуя их свойства, значимость, выраженность и механизмы изменения (Lamont, 2012: 234), а также множественность границ, их пересечения и влияние на границы институциональных и культурных форм (Pachucki et al., 2007: 344).

Признание с точки зрения конструирования символических границ осмысляется через два полярных феномена — элитарность и маргинальность. Эми Байднер и Андреа Абель используют идею границ для изучения того, как студенты элитных университетов выполняют символическую работу по поддержанию своего статуса и выстраиванию иерархии по отношению к студентам других университетов (Binder, Abel, 2019). Критерии, по которым они различают университеты и их подопечных, указывают не только на статус университета, но и на статусную позицию самих студентов. То, как студенты описывают особенности образования, структуры университета и его ценностей, указывает и на то, какими людьми они себя видят и какими специалистами хотят быть. Подобная культурная работа, направленная на создание символических границ, носит рекурсивный характер: конструирование своей элитности создается за счет принадлежности к элитному университету, а эта принадлежность постоянно поддерживается с целью осуществления конструирования элитности. Процесс отказа группам и индивидам в признании и маркирование их как аутсайдеров нашел выражение в терминах стигматизации и дискриминации. Помимо ограничения доступа к ресурсам по причине расы, этничности, национальности (дискриминации) исследователей интересуют процессы приписывания индивиду свойств, идентифицирующих его как недостойного уважения. Стигматизация связана с субъективными переживаниями инцидентов, в которых индивид испытывает неуважение, а его достоинство, честь и статус ставятся под сомнение (Lamont et al., 2016: 6). Обычно дискриминация сопровождается ощущением стигматизации, но часто случается, что стигматизация проходит без дискриминации. Прямым обозначением стигматизации, не связанной с дискриминацией, является посягательство на достоинство (*assault on worth*). Стигматизация также приводит к тому, что Ламон называет разрывами в признании (*recognition gaps*) — к несоответствию в определении своей ценности и культурной принадлежности к группам (Lamont, 2018: 419). Ламон связывает три ключевых для ее работ о признании понятия: дестигматизация, культурное членство и культурные репертуары. Дестигматизация позволяет индивидам с низким статусом получить признание и культурное членство. Культурное членство закрепляет статус индивида, который становится «коллективно определен как ценный для членов сообщества» (Lamont, 2018: 423). При этом Ламон указывает не просто на коллективную природу признания, но и на его возможность «накопительного эффекта»: чем больше групп осуществляет акт признания, тем больше вклад в культурный процесс признания, понимаемый как «растущий консенсус

относительно равной ценности социальных групп» (Ibid.). Культурные репертуары задают рамки и возможности для признания, определяя как субъекта, так и механизмы признания: они оказывают непосредственное влияние на границы, поскольку предоставляют нарративы о ценности и позициях различных групп (Lamont, 2018: 427).

Андреа Войер и Ванесса Баркер показывают, что помимо стигматизации и расиализации процессы разрывов в признании (*recognition gaps*) находят выражение в культурных процессах переозначивания (*resignification*) и инверсии (Voyer, Barker, 2023). Переозначивание есть процесс обращения к символическому центру, в результате которого все, что находится на периферии, помечается как нерелевантное. Так, во время эпидемии COVI-19 иммигранты были исключены из категории «шведского населения», понимаемой как однородная и эссенциализированная сущность. Что же касается механизма инверсии, то ее эффект заключается в том, что неравенство становится причиной, заменяющей свои собственные последствия — подобным образом объяснялась высокая смертность среди мигрантов в Швеции во время COVID-19 (Voyer, Barker, 2023). Подобные процессы разрывов признания носят критический характер для тех, кому они атрибутированы.

Признание как механизм культурного членства: модели самости, культурные репертуары, критерии оценки

Важным элементом в осмыслении процессов (не)признания в связке со стигматизацией и дестигматизацией становится понятие «групповость» (*groupness*). Групповость формируется символическими границами (идентификация и различение других групп) и социальными границами (паттерны социоэкономического неравенства, социальная сегрегация) (Lamont, 2018: 280). Идея групповости включает границы, проводимые по отношению к аутгруппам; пространственную сегрегацию, испытываемую группой; смыслы, связанные с группой; закрытость или универсалистская ориентация (Lamont, 2018: 279). Признание позволяет добиться так называемого культурного членства и дает ощущение групповости, важного для поддержания у индивида чувства причастности. Однако на практике, как отмечает Ламон, людям сложно получить признание и стать частью некоторой группы. Важную сдерживающую роль в этом процессе играют ограничивающие критерии самооценки, по которым люди считают себя и других достойными признания. Множественность критериев оценки и самооценки показывает нам, что процедура признания не универсальна, она выстроена по определенным правилам, где признание может быть выдано только определенному типу личности, соответствующему набору критериев достойного человека. Исследователи отмечают, что распространенные в обществе культурные модели оценивания напрямую влияют на то, какие люди признаются и включаются во взаимодействие, а какие расцениваются как недостойные. Культурные модели задают представления о том, каким человеком быть. Подобное рассмотрение признания как оценивания социальных

установок, инкорпорированных в структуру поведения, безусловно, наследует модели габитуса Бурдьё. Как уже было описано выше, личность в социологии Бурдьё зависима от признания другими. Свойства личности могут пониматься как символический капитал, отчуждаемый изнутри личности, и пространство коммуникации (Mead, 2021). Эти свойства принадлежат человеку лишь пока они признаются таковыми, что позволяет говорить о социальной сконструированности личности и ее черт. Обращаясь к признанию, исследователи, как правило, используют понятие «характер» (character). По мнению Эндрю Сайера, характер чем-то напоминает габитус, поскольку также представляет собой набор выученных укоренившихся диспозиций, используемых индивидом. Однако важное отличие характера в том, что он подсвечивает моральные диспозиции, влияющие на то, как люди относятся друг к другу (Sayer, 2020: 462). Если габитус (и личность) в большей степени отсылают к набору определенных правил, усваиваемых и реализуемых субъектом, то характер — к оценке и моральному суждению, выносимому по отношению к чертам характера. Характер в такой концептуализации становится совокупностью диспозиций, рекомендуемых, как вести себя по отношению к себе и другим так, чтобы достичь благ или страданий (Sayer, 2020: 462). Соответственно, характер указывает на моральные качества, которые позволяют оценивать человека и выносить суждение о том, является ли он «хорошим».

Наиболее культурно чувствительный анализ связи признания, уважения и характера предлагает Ричард Сеннет (Сеннет, 2004; Сеннет, 2018; Sennet, 2003). Он замечает, что распределение уважения и признания неравномерно, и эти процессы связаны с тем, как в обществе конструируется характер. Сеннет выделяет три способа, благодаря которым формируется характер, заслуживающий уважения: саморазвитие (развитие своих способностей и навыков), забота о себе (умение быть самодостаточным, не зависеть от другого человека), умение отдавать другим (поддержка социального обмена) (Sennet, 2003). Поскольку характер требует постоянной демонстрации, то другим важным фактором получения признания становится наличие таланта или навыков. Эту оппозицию Сеннет вводит, чтобы показать, что современный характер существует между двумя полюсами — обладанием потенциальной способностью или реальными достижениями. Сеннет указывает, что в обществе талант занимает первичную роль — талантливый человек охотнее получит признание, а замечания «у тебя маленький потенциал» воспринимаются как более удручающие по сравнению с «ты допустил ошибку». Это неравномерное признание на основании таланта приводит к различным формам неравенства, создавая в том числе институциональную систему привилегий, поощряющих талант в противовес реальным способностям (Сеннет, 2018; Sennet, 2003). Проблема неравного таланта, постоянное сравнение себя с другими приводит к формам неравенства, базирующегося на различиях в способностях. В результате оценка способностей превратила «детство в первичную сцену социального неравенства» (Sennet, 2003), появились институты, определяющие рамки таланта (например, профессиональные комитеты). Однако сами по себе способности и талант не не-

сут столь серьезного воздействия — гораздо важнее, в рамках какого типа характера они реализуются. Сеннет считает, что способности могут выражаться в двух типах характера — «ремесленника» или «мастера». Ремесло связано со способностью делать вещи хорошо; мастерство — с демонстрацией другим, как хорошо что-то сделано. На первый взгляд именно «ремесленник» заслуживает большего уважения, однако Сеннет отмечает, что «мастерство» не менее важно, поскольку именно оно определяет направленность характера на других людей (Sennet, 2003). Соответственно, «ремесло» формирует самоуважение, тогда как «мастерство» — взаимное уважение. Таким образом, идея признания и ценности человека плотно связана не только с обязанностями характера, но и с трудом (который, однако, тоже формирует особый тип характера). В своей более ранней работе Ричард Сеннет и Джонатан Кобб отмечают, что степень ценности человека становится измерением его продуктивности, выстраивая неравенство по критерию того, кто более социально ценен (Sennet, Cobb, 1972: 264). Связь личности, признания и труда особенно важна в контексте современных исследований, рассматривающих труд с неолиберальных позиций, ставящих во главу угла автономию личности и накопление навыков.

Личность (или характер) не только влияет на модели поведения, но и сама формируется под влиянием культурных и социальных сил. Добродетели и качества, делающие человека «хорошим», разнообразны и зависят от культурных, религиозных, философских предпочтений сообщества. Модели характера (кто является хорошим человеком, мужчиной, женщиной) воплощаются в фольклоре и популярной культуре в рамках историй о героях и злодеях (Sayer, 2020: 463). Модели оценки формируются как определенными культурными репертуарами, так и социальными институтами. Такими культурными репертуарами могут быть идея об американской мечте в США, концепция бразильской расовой демократии в Бразилии, синтез сионизма и дискурса прав человека в Израиле (Lamont et al., 2016). Мишель Ламон также указывает на возросшее в последние годы значение неолиберализма как доминирующего культурного репертуара, оказывающего критическое влияние на правила оценки и признания индивидов. В США неолиберальная идеология сформировала специфические критерии, по которым оценивается «хороший» человек. Текущая модель оценивания, выведенная Ламон из преимущественно американских данных и особенностей культурных репертуаров, учитывает в основном обладание материальными ресурсами. В этой модели обладания (having) признание получают те, у кого есть доступ к тем или иным ресурсам. Альтернативная модель бытования (being) исходит из оценивания себя и других на основе отношения с другими, опыта, моральных и других качеств. Она фокусируется на разнообразном опыте, который человек получает за время своей жизни, на различных ролях и достижениях, не связанных исключительно с материальным успехом. Соответственно, расширение культурного членства возможно за счет смены критериев самооценки от «having» к «being» (Lamont, 2019: 661).

Реинкарнация признания и развитие инклюзивности возможны при фокусировке на трех типах нарративов: плюрализм критериев ценности, обыденный универсализм, дестигматизация стигматизированных групп (Lamont, 2019: 683). Плюрализм критериев ценности связан с критикой неолиберальных сценариев самости, опирающихся на одномерную социальную иерархию, ранжирующую индивидов на основании их материальных ресурсов. Вместо этого предлагается закреплять условия, способствующие повышению ценности различных видов достижений, опыта, ролей. Обыденный универсализм делает акцент на значимости ценностей и стилей поведения, которые не зависят от ресурсов и поэтому могут быть достигнуты всеми (Lamont, 2019: 686). Он сосредоточен на тех аспектах, которые объединяют всех людей и делают их равными, независимо от внешних факторов. Дестигматизация связана с изменением восприятия стигматизированных групп. Важность дестигматизации заключается в стремлении к смене перспективы восприятия и отношения к подобным группам, а не просто в повышении осведомленности о неравенстве и дискриминации, с которыми эти группы сталкиваются (Lamont, 2019: 688). Существенным при обсуждении стигматизации с точки зрения признания становится появление ее новых форм. Такая стигматизация базируется на идее самодостаточности, ценимой в рамках неолиберальных нарративов. Те, кому не хватает самодостаточности, подвергаются новой форме стигматизации как неспособные самостоятельно распоряжаться своей жизнью и ресурсами. Важную особенность такой стигматизации отмечает Ева Иллюз: недостаток самооценности рассматривается как самоповреждение, а не как ущербность социальной структуры (Illouz, 2019: 740). Более того, это начинает интерпретироваться как причина, по которой человек обладает низкой социальной мобильностью. Иллюз указывает, что в таком случае происходит инверсия: «следствие социального неравенства становится его причиной» (Ibid.). Это приводит к усилению стигматизации групп с нисходящей мобильностью.

Выявленные Ламон стратегии, однако, подверглись критике со стороны других исследователей неравенства. Так, одним из ключевых аргументов стало указание на то, что описанные ею формы расширения культурного членства в той или иной мере уже давно практикуются (Illouz, 2019: 742). Более того, они работают и в обратную сторону: нарратив универсализма все равно создает групповые границы, а плюрализм ценностей может усиливать иерархию или опираться на более ригидные моральные и социальные основы (Kuipers, 2019: 713). Адия Вингфилд отмечает, что нарративы, отстаивающие универсализм и плюрализм критериев ценности, оказываются ключевыми элементами, при помощи которых чернокожие работники подвергаются расовой стигме, с которой они сталкиваются в профессиональной среде (Wingfield, 2019: 735). Рассуждения о том, как расширить критерии самооценки и культурного членства дополняет замечание Жизелинды Кайперс о необходимости рассмотрения оснований самих культурных нарративов. Она отмечает необходимость понимания того, что позволяет культурным нарративам

работать, как социальные факторы и структуры поддерживают культурные нарративы (Kuipers, 2019: 710).

Признание как моральный статус: достоинство, эмоции, моральные границы

Несмотря на нынешний всплеск интереса к признанию как культурному механизму неравенства, исследовательский мейнстрим продолжает ориентироваться на позиции «слабой» программы социологии культуры. Попытки отстроиться от теоретических оснований Бурдье тем не менее приводят к продолжению исследовательской линии, рассматривающей признание в качестве механизма классового воспроизводства неравенства. Само признание при этом выступает в качестве зависимой переменной, объясняемой при помощи доминирующих культурных режимов или гегемонии вкусов высшего класса. Рассмотрение признания как продукта статусных классификаций позволяет считать его только как производную от властных отношений. Однако помимо реализации власти и доминирования признание создает экзистенциальный разрыв между разными группами. Проблемы, которые отсутствие признания порождает, не ограничиваются лишь вопросом конструирования и поддержания различий между людьми. Эти различия в формах оказания уважения ложатся в основу ригидных и труднопреодолимых форм неравенства, приводящих к долгосрочным эффектам. В исследованиях признания не хватает морального измерения, которое показывало бы его культурную силу. Подобное упущение вытекает из доминирующей бурдьевистской программы социологии культуры: несмотря на весь эвристический потенциал, в объяснительных схемах Бурдье отсутствует моральное измерение (Halewood, 2022). Следовательно, на периферии исследовательского взгляда остается то, как (не)признание появляется не в связке со статусом, но сопряженное с сильными эмоциями, возникающими при нарушении моральных ориентиров. На текущий момент существует лишь несколько работ, рассматривающих то, как признание вызывает к жизни мощные эмоциональные и моральные силы, что позволяет детальнее разглядеть его культурную природу.

Предпосылкой для анализа признания через призму морали служит идея переосмысления самого статуса признания как процесса. Описание признания в терминах морали позволяет рассматривать его не просто как процедуру закрепления индивида в социальной структуре, но как легитимирующую человека в качестве ценного при социальном взаимодействии (Dillon, 1994). Подобная социологическая операция требует перекодирования признания из сферы этики в сферу морали. Следовательно, признание с необходимостью должно затрагивать не вопросы самореализации, а справедливого совместного существования. Нэнси Фрейзер критикует стандартные модели признания, вдохновленные подходами Тейлора и Хоннета, которые определяют признание через идею идентичности (Fraser, Honneth, 2003; Fraser, 2001). Вместо этого Фрейзер предлагает это

делать через идею статуса, понимаемого как позиция, которая признает членов группы в качестве полноценных участников социального взаимодействия (Fraser, 2001: 24). Соответственно, отказ в признании связывается не просто с тем, что на кого-то «смотрят свысока» и появляются различного рода иерархии, но с тем, что человека не расценивают как равного партнера в коммуникации, отказывая ему в фундаментальном праве общения. Паритет участия является обязательным требованием для достижения справедливости и заключается в необходимости для всех людей общаться друг с другом на равных.

Подобную попытку описать признание в терминах морали впервые предприняла Мишель Ламон в уже упоминаемом исследовании по выстраиванию моральных границ (*moral boundary work*), ставшем вдохновением для последующих работ (Kantola, Kuusela, 2018; Kefalas, 2003; Lamont, 2000; Southerton, 2002). Однако и подход Ламон подвергся критике за излишне поверхностное рассмотрение морали, предполагающее зависимость моральных категорий от господствующих культурных и классовых репертуаров. Эндрю Сайер спорит с ней, отмечая, что поведение руководствуется не просто существующими культурными сценариями и внешними силами — обеспокоенность собой, другими и своим поведением исходит из культуры и морали (Sayer, 2011). Концепция работы по выстраиванию моральных границ показывает, как моральные диспозиции связаны с социальной дифференциацией и занимаемыми социальными позициями. Однако Сайер считает важным указать на два ограничения. Первое — заявляемые добродетели описываются как универсальные, а это означает, что они должны быть применимы для всех людей, а не только для представителей одного класса: «если бы эти ценности не считались универсальными, вряд ли можно было бы осуждать других за то, что они якобы не соответствуют им» (Sayer, 2005: 953). Второе — в силу этого предполагаемого универсализма работа по проведению моральных границ открыта для фальсификации, то есть ложного приписывания себе той или иной добродетели с целью получения признания (Ibid.). Исследование Ламон, однако, способствовало развитию важной идеи, что класс не просто связан с понятием идентичности, он морально «заряжен», таким образом и признание определяется пониманием моральной ценности (Savage et al.; Sayer, 2002). Сайер делает важную сцепку между классом, признанием и эмоциями, указывая, что класс способен вызывать сильные эмоции и переживания относительно своей классовой позиции. Эти эмоциональные реакции, в свою очередь, определяют то, какие образы жизни, практики и типы людей маркируются как ценные и желаемые. Именно в этой тонкой зависимости между переживаниями людей относительно своей классовой (не)позиции и самой классовой структуре Сайер видит потенциал для обращения к морали, необходимого, чтобы глубже понять связь между классом и признанием. Сайер указывает, что значительная часть нашей нормативной ориентации на мир находится на уровне эмоций и морали. При этом моральные суждения менее чувствительны к социальной позиции: хороший/плохой не связано напрямую с социальным различием, оно атрибутируется благодаря другим культурным

критериям, например, стереотипизацией. Сайер стремится показать двойственный характер моральных границ, имеющих одновременно дифференцирующую и универсализирующую природу. Важная особенность неравенства в таком случае заключается в том, что оно представляет людей с неравными основаниями для уважения как имеющих неравный доступ к практикам и благам, которые позволили бы получить признание. Признание других частично обусловлено поведением и достижениями, которые, в свою очередь, зависят от доступа к ценным благам и практикам (Sayer, 2005: 960). Проведение моральных границ усугубляет классовые эффекты, усиливая классовую неприязнь. К схожему выводу приходит и Вольфганг Леманн, показывая, что люди постоянно заняты осмыслением своей классовой позиции и того, как и кем они хотят быть признаны (Lehmann, 2009: 635). Однако проведение моральных границ в вопросах признания он предлагает понимать гибко и относиться к ним не как к жестким барьерам, призванным отграничить классы, но как к основе для амбиций, помогающих получить признание (Lehmann, 2009: 643).

Заключение: проблемы существующих подходов

В рамках обзора нами ставилась задача обозначить существующие в социологии неравенства подходы к тому, как теоретизируется признание в качестве самостоятельного и автономного культурного измерения. Какие ориентиры признания как механизм неравенства открывает для того, чтобы двигаться дальше? Подробное рассмотрение понятия позволяет нам прийти к следующим выводам.

Концепт признания эклектичен. Он теоретически запутан, его источниками выбираются работы из совершенно разных областей. Эклектичность понятия не позволяет сформировать ограниченное количества источников и ресурсов, из которых концепт мог бы набирать свою силу — почти любая социологическая или философская теория может стать источником для концептуализации признания. За счет этого понятие теряет в своей эвристической силе — ссылки на идейных «основателей» признания приобретают номинальный характер, а ресурсы их теоретических подходов остаются неисследованными. В концептуальном поле признания отсутствуют попытки его определения как самостоятельного феномена. В социологических работах не дается подробного анализа признания, оно подразумевается как «очевидное». Соответственно, понятие вновь теряет свои потенциальные объяснительные возможности. Это приводит к риску исчезновения признания как объекта исследования: в качестве «признания» в итоге изучают что-то другое (например, статусные отношения). В силу отсутствия фиксированности концепт признания каждый раз собирается исследователями под конкретную задачу из разных ресурсов, тем самым он все еще продолжает быть крайне инструментальным.

При этом мы видим, что признание находится на фронтире современной социологии неравенства. Признание, как мы указывали ранее, служит культур-

ным механизмом неравенства, оно выступает как важная и неотъемлемая часть исследований, позволяющая пролить свет на культурные проблемы неравенства, связанные с эффектами потери социальных связей, отсутствия эмпатии и возникновения апатии (Куракин, 2020: 204). Отсутствие должной проработки признания не позволяет использовать его «на полную мощь» и изучать именно культурное измерение неравенства, влекущее появление гораздо более ригидных и болезненных форм. Потенциально продуктивным при реализации культурно чувствительного анализа неравенства представляется подход, рассматривающий признание с точки зрения проведения моральных границ, однако данное направление пока не получило плодотворного развития в рамках социологии неравенства.

Литература

- Бурдые П.* (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 44–59.
- Вебер М.* (1994). Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. С. 169–183
- Гегель Г. В. Ф.* (1999). Система наук: Часть первая: Феноменология духа. СПб.: Наука.
- Куракин Д.* (2020). Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167–231.
- Радаев В. В., Шкаратан О. И.* (1996). Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс.
- Сеннет Р.* (2004). Коррозия характера. М.: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды».
- Сеннет Р.* (2018). Мастер. М.: Strelka Press.
- Теркин А.* (2009). Анализ нормативной грамматики социальной жизни в теории борьбы за признание // ТопоС. Т. 1. № 21. С. 60–76.
- Тимофеева О.* (2016). Свобода — это рабство // Новое литературное обозрение. № 141.
- Хоннет А.* (2009). Невидимость. О моральной эпистемологии признания // Кантовский сборник. Т. 1. № 29. С. 79–91.
- Benhabib S.* (2002). The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. Princeton University Press.
- Binder A. J., Abel A. R.* (2019). Symbolically Maintained Inequality: How Harvard and Stanford Students Construct Boundaries among Elite Universities // Sociology of Education. Vol. 92. № 1. P. 41–58.
- Bourdieu p.* (2000). Pascalian Meditations / trans. R. Nice. Cambridge: Polity.
- Brighenti A.* (2007). Visibility: A Category for the Social Sciences // Current Sociology. Vol. 55. № 323. P. 323–342.
- Dahl H. M.* (2004). A view from the inside: Recognition and redistribution in the Nordic welfare state from a gender perspective // Acta Sociologica. Vol. 47. № 4. P. 325–337.
- Dillon R. S.* (Ed.). (1994). Dignity, Character and Self-Respect (1st ed.). Routledge.

- Fraser N. (2001). Recognition without ethics? // *Theory, Culture & Society*. Vol. 18. № 2–3. P. 21–42.
- Fraser N., Honneth A. (2003). *Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange*. Verso.
- Halewood M. (2023). 'Class is Always a Matter of Morals': Bourdieu and Dewey on Social Class, Morality, and Habit(us) // *Cultural Sociology*. Vol. 17(3). P. 373–389.
- Heidegren C. G. (2004). Recognition and social theory // *Acta Sociologica*. Vol. 47. № 4. P. 365–373.
- Hirvonen O. (2012). Taylor and the problem of recognizing cultural groups // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. Vol. 13. № 1. P. 109–124.
- Honneth A. (2014). *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*. Cambridge, UK: Polity Press.
- Illouz E. (2019). Is self-worth crucial for the reproduction of inequality? A response to Michele Lamont's Lecture // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. №3. P. 739–746.
- Kantola A., Kuusela H. (2019). Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs' Moral Boundaries // *Sociology*. Vol. 53(2). P. 368–384.
- Kefalas M. (2003). *Working-Class Heroes: Protecting Home, Community and Nation in a Chicago Neighbourhood*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Kuipers G. (2019). Cultural narratives and their social supports, or: sociology as a team sport // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 708–720.
- Lamont M. (2000). *The Dignity of Working Men. Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Harvard University Press.
- Lamont M. (2012). How Has Bourdieu Been Good to Think With? The Case of the United States // *Sociological Forum*. Vol. 27. № 1. P. 228–237
- Lamont M. (2017). *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion and Academic Evaluation*. Erasmus Prize Essay. Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M. (2018). Addressing Recognition Gaps: Destigmatization and the Reduction of Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 83. № 3. P. 419–444.
- Lamont M. (2019). From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 660–707.
- Lamont M., Molnár V. (2002). The study of boundaries in the social sciences // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. № 1965. P. 167–195.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrachi N., Herzog H., Reis E. (2016). *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*. Princeton University Press.
- Lehmann W. (2009). Becoming middle class: How working-class university students draw and transgress moral class boundaries // *Sociology*. Vol. 43. № 4. P. 631–647.
- Lovell T. (2007). Nancy Fraser's integrated theory of justice: a 'sociologically rich' model for a global capitalist era? // (Mis)recognition, Social Inequality and Social Justice. Nancy Fraser and Pierre Bourdieu. Routledge. P. 66–87
- Mead G. (2021). Proper recognition: Personhood and symbolic capital in contemporary sociology // *Current Sociology*. Vol. 69. № 1. P. 24–40.

- Meisenhelder T.* (2006). From character to habitus in sociology // *The Social Science Journal*. Vol. 43. P. 55–66.
- Oeur F.* (2016). Recognizing Dignity: Young Black Men Growing Up in an Era of Surveillance // *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*. Vol. 2. P. 1–15.
- Pachucki M. A., Pendergrass S., Lamont M.* (2007). Boundary processes: Recent theoretical developments and new contributions // *Poetics*. Vol. 35. № 6. P. 331–351.
- Pilkington H., Acik N.* (2020). Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims // *Sociology*. Vol. 54. № 1. P. 181–198.
- Ridgeway C. L.* (2014). Why Status Matters for Inequality // *American Sociological Review*. Vol. 79. № 1. P. 1–16.
- Savage M.* (2019). The challenge of inequality in US society // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 755–760.
- Savage M., Bagnall G., & Longhurst B.* (2001). Ordinary, Ambivalent and Defensive: Class Identities in the Northwest of England // *Sociology*. Vol. 35(4). P. 875–892.
- Sayer A.* (2002). What are you Worth?: Why Class is an Embarrassing Subject // *Sociological Research Online*. Vol. 7(3). P. 19–35.
- Sayer A.* (2005). Class, moral worth and recognition // *Sociology*. Vol. 39. № 5. P. 947–963.
- Sayer A.* (2011). *Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Sayer A.* (2020). Critiquing — and Rescuing — ‘Character.’ // *Sociology*. Vol. 54. № 3. P. 460–481.
- Sembou E.* (2003). Hegel’s idea of a “struggle for recognition”: the ‘phenomenology of spirit’ // *History of Political Thought*. Vol. 24. № 2. P. 262–281.
- Sennet R., Cobb R.* (1972). *The Hidden Injuries of Class*. New York: Alfred A. Knopf.
- Sennett R.* (2003). *Respect in a World of Inequality*. W. W. Norton & Company.
- Southerton D. K.* (2002). ‘Boundaries of “Us” and “Them”: Class, Mobility and Identification in a New Town’ // *Sociology*. Vol. 36. № 1. P. 171–193.
- Swanson J.* (2005). Recognition and Redistribution: Rethinking Culture and the Economic // *Theory, Culture & Society*. Vol. 22. № 4. P. 87–118.
- Taylor C.* (1992). *The Politics of Recognition* // *Multiculturalism and the Politics of Recognition* / A. Gutmann ed.. Princeton: Princeton University Press. P. 25–74.
- Voyer A., Barker V.* (2023). Recognition Gaps and COVID Inequality: The Case of Immigrants in Sweden // *Cultural Sociology*. <https://doi.org/10.1177/17499755231170700>
- Wacquant L.* (ed.) (2005). *Pierre Bourdieu and Democratic Politics*, Cambridge: Polity.
- Wingfield A. H.* (2019). Who’s ‘having’? Who’s ‘being’? A response to Lamont // *British Journal of Sociology*. Vol. 70. № 3. P. 731–738.
- Young I. M.* (1997). ‘Unruly categories: a critique of Nancy Fraser’s dual systems theory’ // *New Left Review*. Vol. 222. P. 147–160.
- Young I. M.* (2000). *Inclusion and democracy*. Oxford: Oxford University Press.

Recognition Within the Sociology of Inequality: a Review of Theoretical Approaches

Maria Kucheryavaya

MA in Sociology, Research Assistant at the Moscow Centre for Cultural Sociology, HSE University

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, 101000 Russian Federation

E-mail: mkucheryavaya@hse.ru, mkucheryavaya96@gmail.com

Inequality remains one of the most fundamental problems of the modern world. Usually, inequality is examined through the prism of its economic causes and consequences. However, this logic excludes an important element from the explanatory model: in addition to economic barriers, inequality generates cultural obstacles. It creates gaps between people, forming often impenetrable boundaries between different social groups. Inequalities shaped by cultural differences take rigid and enduring forms and are extremely difficult to eliminate. We will refer to such cultural processes of inequality associated with categorizing groups of people and assigning value to them as *recognition*. The study of recognition as a cultural mechanism of inequality has in recent years emerged as a significant frontier in contemporary sociology of inequality, and appears to be a critical element necessary for a comprehensive understanding of inequality processes. The purpose of this review is to show how the cultural dimension of inequality that we have identified, which we will further refer to as recognition, is thematized in sociological studies of inequality and culture. We want to show that issues of respect and dignity have always been at the core of the conversation about inequality. Despite the abundance of relevant research, the concept of recognition remains problematic: it is overly eclectic and poorly grounded in sociological theory.

Keywords: recognition, inequality, culture, sociology of culture, justice, morality, emotions

References

- Benhabib S. (2002) *The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era*, Princeton University Press.
- Binder A. J., Abel A. R. (2019) Symbolically Maintained Inequality: How Harvard and Stanford Students Construct Boundaries among Elite Universities. *Sociology of Education*, vol. 92, no 1, pp. 41–58.
- Bourdieu p. (1998) Структура, габитус, практика [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal Sociologii i Social'noj Antropologii*, no 2, pp. 44–59.
- Bourdieu p. (2000) *Pascalian Meditations* (trans. R. Nice), Cambridge: Polity.
- Brighenti A. (2007) Visibility: A Category for the Social Sciences. *Current Sociology*, vol. 55, no 323, pp. 323–342.
- Dahl H. M. (2004) A view from the inside: Recognition and redistribution in the Nordic welfare state from a gender perspective. *Acta Sociologica*, vol. 47, no 4, pp. 325–337.
- Dillon R. S. (Ed.). (1994) *Dignity, Character and Self-Respect* (1st ed.), Routledge.
- Fraser N. (2001) Recognition without ethics? *Theory, Culture & Society*, vol. 18, no 2–3, pp. 21–42.
- Fraser N., Honneth A. (2003) *Redistribution or recognition? A political-philosophical exchange*, Verso.
- Halewood M. (2023) 'Class is Always a Matter of Morals': Bourdieu and Dewey on Social Class, Morality, and Habit(us). *Cultural Sociology*, vol. 17, no 3, pp. 373–389.
- Hegel G. W. F. (1999) *Sistema nauk: Chast' pervaja: Fenomenologija duha* [System of Sciences: Part One: Phenomenology of the Spirit], Sankt Peterburg: Nauka.
- Heidegren C. G. (2004) Recognition and social theory. *Acta Sociologica*, vol. 47, no 4, pp. 365–373.
- Hirvonen O. (2012) Taylor and the problem of recognizing cultural groups. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, vol. 13, no 1, pp. 109–124.
- Honneth A. (2009) Nevidimost'. O moral'noj jepistemologii priznanija [Invisibility. On the moral epistemology of recognition]. *Kantovskij Sbornik*, vol 1, no 29, pp. 79–91.

- Honneth A. (2014) *The I in We: Studies in the Theory of Recognition*, Cambridge, UK: Polity Press.
- Illouz E. (2019) Is self-worth crucial for the reproduction of inequality? A response to Michele Lamont's Lecture. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 739–746.
- Kantola A., Kuusela H. (2019) Wealth Elite Moralities: Wealthy Entrepreneurs' Moral Boundaries. *Sociology*, vol. 53, no 2, pp. 368–384.
- Kefalas M. (2003) *Working-Class Heroes: Protecting Home, Community and Nation in a Chicago Neighbourhood*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Kuipers G. (2019) Cultural narratives and their social supports, or: sociology as a team sport. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 708–720.
- Kurakin D. (2020) Tragedija neravenstva: raschelovechivaja «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing "L'Homme Total"]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 167–231.
- Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men. Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*, Harvard University Press.
- Lamont M. (2012) How Has Bourdieu Been Good to Think With? The Case of the United States. *Sociological Forum*, vol. 27, no 1, pp. 228–237.
- Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion and Academic Evaluation. Erasmus Prize Essay*, Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M. (2018) Addressing Recognition Gaps: Destigmatization and the Reduction of Inequality. *American Sociological Review*, vol. 83, no 3, pp. 419–444.
- Lamont M. (2019) From 'having' to 'being': self-worth and the current crisis of American society. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 660–707.
- Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual Review of Sociology*, vol. 28, no 1965, pp. 167–195.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J. S., Guetzkow J., Mizrachi N., Herzog H., Reis E. (2016) *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*, Princeton University Press.
- Lehmann W. (2009) Becoming middle class: How working-class university students draw and transgress moral class boundaries. *Sociology*, vol. 43, no 4, pp. 631–647.
- Lovell T. (2007) Nancy Fraser's integrated theory of justice: a 'sociologically rich' model for a global capitalist era? *(Mis)recognition, Social Inequality and Social Justice. Nancy Fraser and Pierre Bourdieu*, Routledge, pp. 66–87.
- Mead G. (2021) Proper recognition: Personhood and symbolic capital in contemporary sociology. *Current Sociology*, vol. 69, no 1, pp. 24–40.
- Meisenhelder T. (2006) From character to habitus in sociology. *The Social Science Journal*, vol. 43, pp. 55–66.
- Oeur F. (2016) Recognizing Dignity: Young Black Men Growing Up in an Era of Surveillance. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, vol. 2, pp. 1–15.
- Pachucki M. A., Pendergrass S., Lamont M. (2007) Boundary processes: Recent theoretical developments and new contributions. *Poetics*, vol. 35, no 6, pp. 331–351.
- Pilkington H., Acik N. (2020) Not Entitled to Talk: (Mis)recognition, Inequality and Social Activism of Young Muslims. *Sociology*, vol. 54, no 1, pp. 181–198.
- Radaev V. V., Shkaratan O. I. (1996) *Social'naya stratifikaciya* [Social Stratification], Moscow: Aspekt Press.
- Ridgeway C. L. (2014) Why Status Matters for Inequality. *American Sociological Review*, vol. 79, no 1, pp. 1–16.
- Savage M. (2019) The challenge of inequality in US society. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 755–760.
- Savage M., Bagnall G., Longhurst B. (2001) Ordinary, Ambivalent and Defensive: Class Identities in the Northwest of England. *Sociology*, vol. 35, no 4, pp. 875–892.
- Sayer A. (2002) What are you Worth?: Why Class is an Embarrassing Subject. *Sociological Research Online*, vol. 7, no 3, pp. 19–35.
- Sayer A. (2005) Class, moral worth and recognition. *Sociology*, vol. 39, no 5, pp. 947–963.
- Sayer A. (2011) *Why Things Matter to People: Social Science, Values and Ethical Life*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.

- Sayer A. (2020) Critiquing — and Rescuing — ‘Character’. *Sociology*, vol. 54, no 3, pp. 460–481.
- Sembou E. (2003) Hegel’s idea of a “struggle for recognition”: the ‘phenomenology of spirit’. *History of Political Thought*, vol. 24, no 2, pp. 262–281.
- Sennet R. (2004) *Korrozija haraktera* [The Corrosion of Character], Moscow: Fond Socio-prognosticheskikh Issledovanij “Trendy”.
- Sennet R. (2018) *Master* [The Craftsmen], Moscow: Strelka Press.
- Sennet R., Cobb R. (1972) *The Hidden Injuries of Class*, New York: Alfred A. Knopf.
- Sennett R. (2003) *Respect in a World of Inequality*, W.W. Norton & Company.
- Southerton D. K. (2002) ‘Boundaries of “Us” and “Them”’: Class, Mobility and Identification in a New Town’. *Sociology*, vol. 36, no 1, pp. 171–193.
- Swanson J. (2005) Recognition and Redistribution: Rethinking Culture and the Economic. *Theory, Culture & Society*, vol. 22, no 4, pp. 87–118.
- Taylor C. (1992) The Politics of Recognition. *Multiculturalism and the Politics of Recognition* (A. Gutmann ed.), Princeton: Princeton University Press, pp. 25–74.
- Timofeeva O. (2016) Svoboda — jeto rabstvo [Freedom is slavery]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no 141.
- Tjorkin A. (2009) Analiz normativnoj grammatiki social’noj zhizni v teorii bor’by za priznanie [An analysis of the normative grammar of social life in the theory of the struggle for recognition]. *Topos*, vol. 1, no 21, pp. 60–76.
- Voyer A., Barker V. (2023) Recognition Gaps and COVID Inequality: The Case of Immigrants in Sweden. *Cultural Sociology*. <https://doi.org/10.1177/17499755231170700>
- Wacquant L. (ed.) (2005) *Pierre Bourdieu and Democratic Politics*, Cambridge: Polity.
- Weber M. (1994) Osnovnye ponyatiya stratifikacii [Basic notions of stratification]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 169–183
- Wingfield A. H. (2019) Who’s ‘having’? Who’s ‘being’? A response to Lamont. *British Journal of Sociology*, vol. 70, no 3, pp. 731–738.
- Young I. M. (1997) ‘Unruly categories: a critique of Nancy Fraser’s dual systems theory’. *New Left Review*, no 222, pp. 147–160.
- Young I. M. (2000) *Inclusion and democracy*, Oxford: Oxford University Press.